

Что сегодня произошло?

Затем он почувствовал, как рука Гу Шу через одежду погладила его, после чего развязала ткань и погрузилась в водный бассейн.

Наконец он почувствовал облегчение и нетерпеливо пошевелил ручками, даже сделал пару кувырков в околуплодных водах, надеясь привлечь внимание Гу Шу.

И действительно, Гу Шу опустил голову и посмотрел на свой шевелящийся живот, а затем тяжело вздохнул: о чём тут вообще горевать?

Лицо Гу Шу слегка покраснело, а тело после омовения избавилось от недавней усталости. Он взял полотенце и начал вытираться.

Опираясь на воспоминания, он вышел из купальни. На его животе словно висел небольшой арбуз — круглый, пухлый и донельзя милый.

Одной рукой поддерживая поясницу и живот, другой он дотянулся до утягивающей ленты и нового нижнего белья. По памяти он забрался на кровать и лишь после этого оделся, а утягивающую ленту бережно положил рядом с собой.

Он укрылся одеялом, успокаивая сильного ребёнка в своём чреве. Вскоре накатила сонливость, и он погрузился в полудрёму.

Гу Шу проснулся от запаха алкоголя. Губы чужака давили на его губы, язык ловко испивал нектар, а затем он почувствовал, как лента на его лице развязалась.

Без этой ткани всё-таки не так красиво.

Глава секты, с чего это вы сегодня решили прийти сюда спать?

Гу Шу резко вздрогнул. Кончено! Он ещё не перевязал живот, его сейчас разоблачат! Его сердце ушло в пятки, а рука под одеялом вцепилась в утягивающую ленту, с каждым мигom сжимаясь всё сильнее.

Скучаю по тебе до безумия.

Глава секты снял верхнюю одежду, лег рядом с Гу Шу и больше не предпринимал никаких попыток.

Сердце Гу Шу, только что подпрыгнувшее от испуга, снова опустилось. Он погладил свой

живот и вновь туго обмотал его утягивающей лентой. Превозмогая боль, он хмурился и натягивал ткань круг за кругом, пока живот не стал плоским, и только тогда остановился.

От боли у него выступил холодный пот. Свернувшись калачом рядом с Главой секты, он продолжал гладить живот, пытаясь унять боль.

Скоро всё пройдёт, малышу не больно, и папе не больно, папа погладит тебя посильнее.

То, чего Гу Шу так боялся, всё же произошло: Глава секты перевёл Гу Шу в свой собственный внутренний двор, а это значило, что у него больше не осталось времени на расслабление даже по ночам.

Гу Шу настойчиво повторял себе, что нужно сохранять спокойствие, но когда Глава секты предложил искупаться вместе, он едва не сорвался... Ты всё ещё не снимаешь одежду и не спускаешься? — с недоумением спросил Глава секты, глядя на остолбеневшего Гу Шу. Впрочем, у Главы не было особого желания ждать, пока Гу Шу неторопливо закончит возиться: он небрежно развязал пояс на верхней одежде юноши, сбросил с него халат и резким движением втащил Гу Шу прямо в купальню.

Мир перед глазами Гу Шу перевернулся, и он оказался прямо в чьих-то тёплых объятиях. Он почувствовал, как тёплая вода просочилась сквозь ткань, мгновенно размочив и смягчив её.

В голове у него зазвенело от пустоты. Чужая рука развязала повязку на его глазах, а затем мягко коснулась век. Раздался низкий голос: Какая же у тебя невинная пара глаз.

Дерт!

Гу Шу почувствовал, что размокшая ткань утратила прежнюю упругость и больше не способна удерживать его живот. Он услышал лишь лёгкий звук лопнувшей нити. Отрез ткани, туго обвязывавший его тело, соскользнул вниз, и живот тут же резко увеличился, натянув нижнюю рубашку.

Глава секты от неожиданности замер на секунду, но тут же пришёл в себя, и лицо его помрачнело.

Одной рукой он откинул полу нижней рубашки — живот стал ещё больше, на нём отчётливо виднелись следы от долгого стягивания.

Освободившись от долгого плена, живот Гу Шу испытал невероятное облегчение, но нынешняя ситуация пугала до ужаса.

Главу секты прижали спиной к стене купальни, позади ощущалась невыносимая твёрдость, и от боли он невольно издал стон. Рука, державшая его за подбородок, уже не обладала прежней

нежностью — сила в ней была поистине пугающей.

Ты всё это время скрывал это от меня Главы секты? Почему? Если бы сегодня я сам не обнаружил, ты собирался молчать до самых родов? Взгляд Главы секты леденил душу; в нём больше не осталось нежности — он смотрел на Гу Шу так, будто перед ним уже покойник.

Никто не смеет ничего утаивать от Главы секты. Не думай, что раз ты был хорош в постели, я не стану тебя убивать.

Рука Главы секты медленно опустилась на живот юноши. Нагретый водой живот был гладким, и на нём проступили отпечатки двух крошечных детских стоп. Глава коснулся их пальцами, и в его глазах промелькнуло нечто нечитаемое.

Почему живот такой огромный? Ты в Демоническом культе всего пять месяцев. К моему добру никто не смеет прикасаться. Или здесь двойня? М?

Глава секты рывком поднял Гу Шу на ноги, грубо швырнул на кровать и накрыл меховым одеялом. На языке иноземцев он принялся ругать Гу Шу за эту подстилку, а затем приказал немедленно позвать лекаря-чудотворца.

Гу Шу чувствовал, как живот внутри непрерывно бурлит — возможно, малыши испугались от недавнего потрясения. Он нежно гладил себя то вверх, то вниз, но на душе было тревожно и пусто. Моего ребёнка не спрячешь от меня просто потому, что тебе так захотелось. Неужели ты думаешь, раз он у тебя в животе, тебе всё дозволено? Глава секты никак не мог успокоиться: он схватил стоявший на столе стакан с водой и швырнул его на пол.

Лекаря тотчас же привели. Переступив порог и глядя на осколки, он удивлённо покосился на Главу секты. Обычно, стоило этому человеку разозлиться, головы летели с плеч, а сегодня что — солнце встало на западе?

Затем лекарь заметил промокшего Гу Шу, и понимание заставило его проглотить удивление.

— Осмотри его живот, — Глава секты даже не поднял головы, сдерживать гнев ему давалось нелегко.

Взгляд Гу Шу был расфокусирован, он опустил голову и прикусил губу. Лекарь на мгновение замер от открывшейся его взору картины: сквозь промокшую одежду проступал округлившийся живот. Он взял Гу Шу за запястье и произнёс:

— Ребенок в порядке, развивается хорошо. Вот только...

— Вот только что? — спросил Глава секты.

— Ребенку уже семь месяцев. Хотя угрозы выкидыша пока нет, ему всё же нужен хороший уход, да и двигаться нужно почаще. — Лекарь искоса взглянул на Главу секты и, заметив его всё более мрачное выражение лица, решил, что лучше убраться отсюда поскорее.

— Семь месяцев?

— Да, именно так.

— Избавься от него. — Лекарь встретился взглядом с Главой секты, в чьих глазах застыл ледяной холод.

— Нет, не надо, не убивайте моего ребёнка, умоляю вас, Глава секты! — услышав этот диалог, Гу Шу зарыдал от горя.

Глава секты даже не глянул на него. Гу Шу в панике соскользнул с ложа — к счастью, кровать была невысокой — и тихонько охнул, прижимая руку к бунтующему животу. Было немного больно, но терпимо.

Малыш, будь послушным, всё будет хорошо...

— Срок уже большой, избавление от плода может обернуться гибелью обоих. Если бы ребёнок был совсем крошечным — другое дело, но в его нынешнем положении... — Лекарь посмотрел на перепуганного Гу Шу и почувствовал жалость. — Вы же сами видите: даже если ему повезёт пережить чистку и он выживет, это может спровоцировать другие болезни. Сейчас аборт нанесёт ему непоправимый вред, на восстановление уйдут месяцы. Вы же знаете его тело: он и без того от малейшего движения устает. Сомневаюсь, что с кем-то другим вы получите такое же удовольствие, так зачем же ломать всё?

Лицо Главы секты помрачнело. Он и сам толком не понимал, на что именно злится, но внутри всё полыхало, и ему безумно хотелось с кем-нибудь подраться.

— Разве нет другого выхода?

— Можешь подождать, пока ребёнок родится, и тогда уже разобраться с ним.

Услышав это, Глава секты решил, что такой вариант его устраивает, и отпустил лекаря.

Уходя, лекарь немного подумал и оставил лекарство для сохранения плода, передав его У Нянь, которая тревожно дежурила у дверей. С тех пор как Гу Шу привезли сюда, Глава секты ещё никогда не был так разъярён, да вдобавок велел позвать лекаря.

Она тут же спросила:

— Что там внутри происходит?

— Это лекарство для Гу Шу, чтобы сохранить ребёнка. Глава секты страшно зовёт, так что будешь заваривать и давать ему пить один раз в день. А Гу Шу тот еще смельчак, умудрился бинтами живот утянуть, чтобы Глава секты ничего не заметил.

У Нянь нахмурилась:

— То-то я смотрю, ничего не было видно! О чём только думал молодой господин Гу, творя такую глупость? А если бы из-за этих бинтов с ребёнком что-нибудь случилось? Вроде бы разумный парень, зачем идти на такие безумства?

— Ой, да ребёнок-то вовсе не от Главы секты, ему уже целых семь месяцев. Постарайся заработать карму для нашего Главы. Посмотри, как сильно Глава секты измывался над Гу Шу, а тот ведь выжил, да и утягивание вреда малышу не нанесло — сразу видно, счастливый ребёнок. Но сейчас Глава секты в ярости, так что тебе лучше приглядывать за ним.

— В конце концов, Гу Шу здесь ни при чем, его просто притащили сюда, что ему оставалось делать? И ты мне тут ерунду не говори: если этот ребёнок погибнет, я боюсь, и сам Гу Шу не выживет.

Лекарь в длинном белом халате оглянулся, обведя взглядом просторный зал, а затем снова посмотрел на У Нянь.

У Нянь вздохнула и ответила, что всё поняла.

— Всё-таки цветы и травы куда милее. Пойду-ка я назад, о них заботиться. Очень надеюсь, что вам не придётся снова меня вызывать через пару дней — проявите милосердие, дайте мне спокойно посидеть на месте.

Опочивальня Главы секты поражала воображение своими размерами, по роскоши она ни в чём не уступала императорскому дворцу. Глава секты с одного взгляда на стоящего перед ним человека закипел от злости. Резким пинком он сбил Гу Шу с ног на ковёр и холодно процедил:

— Кто отец ребёнка? А?

Гу Шу глухо охнул. Он не смел злить его, но и выдать Лю Цзыань тоже не хотел.

В комнате воцарилась абсолютная тишина. Гу Шу уголки губ Главы секты изогнулись в улыбке, аура ужасающей силы заполнила всё пространство.

— Не хочешь говорить? — Глава секты опустил на корточки и провёл пальцем по животу Гу

Шу.

Словно выбирая на рынке арбуз, он даже слегка постучал по нему, проверяя спелость. Гу Шу поморщился, не смея пискнуть от боли, и инстинктивно прикрыл живот руками.

— Ох, какой здоровый ребёнок! Упрямый весь в папашу. Только знаешь ли ты, малыш, что твой папаша хочет тебя погубить? Он даже этого не хочет сказать твоему Главному секты. Как думаешь, если я сейчас двину сюда ногой, сможешь ли ты выжить после такого? На щеках Гу Шу заблестели чистые слёзы, и он всхлипнул:

— Это Лю Цзыань.

Глава секты улыбнулся, и от одного лишь взгляда его синих глаз замерло бы сердце любого смертного. Глава секты поднял Гу Шу, прижал к себе его ослабевшее тело и прошептал ему на ухо:

— Ты, пожалуй, не знаешь, но в нашей секте есть одно место, где хранится множество игрушек. Как насчет того, чтобы я отвел тебя туда поиграть? В качестве... дородового воспитания.

Полночное Солнце — место, которым не пользовались уже двадцать лет. Оно располагалось в левой верхней части Демонического культа и было любимым местом прошлого главы Демонического культа.

Прошлый глава Демонического культа говаривал:

Это самое светлое место в те часы, когда среди ночи возвращаются сновидения, и именно к нему стремятся человеческие сердца. Чего еще желать человеку в этой жизни? Вот то, к чему я должен стремиться больше всего.

Внутри насчитывалось несколько сотен самых разных игрушек, способных выдрессировать человека так, что он станет хуже скота. Выслушав рассказ главы секты, Гу Шу еще сильнее побледнел. Заметив выражение лица Гу Шу, глава секты от этого зрелища почувствовал себя куда лучше, уложил Гу Шу на кровать и позвал У Нян.

— Сварите миску Лекарства для сохранения плода для молодого господина Гу. Нельзя, чтобы он не выдержал еще до того, как мы начнем играть, так дело не пойдет.

У Нян кивнула.

— И приведите Полночное Солнце в порядок, завтра туда переедет новый хозяин.

Услышав это, У Нян почувствовала неладное, но, видя непреклонное выражение лица главы секты, ей оставалось лишь молча удалиться. Глава 7. Беспольный маленький комочек плоти

— Глава секты...

— Не зови меня так, надоел.

Глава секты с раздражением посмотрел на Гу Шу, лежащего на кровати, и сел на самый край, бросив холодный взгляд на осколки посуды на полу.

Он потерял контроль над своими эмоциями. Этот человек был всего лишь игрушкой на постели, а он и вправду позволил себя разозлить.

Гу Шу действительно замолчал, лишь нащупал путь к Главе секты. На его щеках еще виднелись высохшие следы слез. Его мягкие пухлые губы нашли губы Главы секты и нежно поцеловали его.

Глава секты не стал отвергать инициативу Гу Шу — в конце концов, он великий глава секты, стоит ли ему зря из-за этого беситься?

Такой настрой был весьма опасен, но ему ведь и не нужно было себя сдерживать!

Он прижал голову Гу Шу к себе и яростно ответил на поцелуй.

С недобрым выражением лица он навалился на Гу Шу, углубляя поцелуй. Его округлый живот немного примялся, и Гу Шу тяжело задышал носом.

— Глава секты, прикоснитесь к нему, он очень любит вас, чувствуете? Он только мой ребенок, и никто другой к нему не причастен, я — ваш человек.

За пять месяцев совместной жизни не только этот мужчина перед ним изучил каждую его чувствительную точку, но и сам он привык к повадкам партнера. Живот болел уже не так сильно, и сердце Гу Шу, до этого подскочившее к самому горлу, наконец опустилось на место.

Малыш у меня такой послушный, папа обязательно справится. Всё будет хорошо.

Глава секты опустил ресницы, подобные ночной луне. Наклонившись, он слегка прикусил кожу, отчего Гу Шу задрожал. Глава секты изогнул губы в улыбке и, вдыхая тонкий аромат, исходивший от Гу Сюя, прошептал:

— Ты даже не представляешь, насколько сейчас притягателен.

Грудь Гу Сюя, переживавшая вторичное развитие, постоянно ныла от чувства распирания. Глава секты с любопытством изучал её, то осторожно сжимая, то бережно поглаживая, словно перебирая струны цитры. Ночь была бесконечной...

Гу Сюй, разумеется, первым же делом ощутил происходящее. За последние несколько месяцев он непрерывно укреплял собственную сопротивляемость повреждениям, а также приобрёл способность выносить то, что приходилось терпеть Гу Шу.

Столкнувшись с такой ситуацией, он уже знал, как действовать. Хотя особыми силами он не обладал, но всё же мог раз за разом проникать в сны Главы секты.

Пусть он не знал, что такое полуночное солнце, но, судя по названию, ничего хорошего в нём не было. Оставалось лишь приложить все свои скромные силы, чтобы помешать этому.

Сновидения Главы секты всё так же оставались мрачными, подумал Гу Шу, оказавшись в его сне во второй раз.

Он не знал, какие именно сны должен видеть Глава секты, поэтому, будучи лишь духовной сущностью, начал скитаться по окутанному серой мглой пространству.

Для начала стоило проанализировать Главу секты. Он давно обладал абсолютной властью и мог удовлетворить любую свою прихоть, кроме разве что плотских желаний, поэтому некоторое время после появления Гу Шу он чувствовал удовлетворение.

А ведь Глава секты — человек не из простых. Если кто-то ему не нравился — этот человек умирал. Если у него было дурное настроение — кто-то умирал. Даже те, кто мог взволновать его душу, рано или поздно отправлялись на казнь.

Но у Главы секты была возможность потакать своим прихотям: он действовал решительно и властно. Пусть дурная слава шла впереди него, обладал он и своеобразным личным магнетизмом.

В каком же состоянии такой человек находится сейчас? Пожалуй, он питает тайные ожидания к тому, кто способен удовлетворить его похоть — в конце концов, не каждый может выдержать его напор. Однако он никак не ожидал, что этот человек уже носит под сердцем чужого ребёнка.

Его властная натура позволяла ему контролировать Гу Шу, он ждал от него чего-то, а внутри него даже теплилось некое неопределённое чувство. Это не любовь и не родственная привязанность — нечто среднее между отношением к домашнему питомцу и чем-то ещё, весьма противоречивое состояние.

Он был даже немного сбит с толку собственной сегодняшней реакцией и свалил всю вину на Гу Шу.

Какая же морока!

Но в конечном счёте всё сводилось к одному: нужно было сделать так, чтобы Глава секты полюбил этого ребёнка. Гу Шу очень хотел, чтобы Глава секты ощутил каково это — быть ребенком, но, разумеется, у него не было подобных способностей, поэтому оставалось лишь смоделировать это во сне.

Глава секты почувствовал тепло и влажность вокруг, он резко открыл глаза — все вокруг было розовым и нежным, окутывая его со всех сторон. Он шевельнулся в этом тесном пространстве, как вдруг услышал чей-то стон.

Он почувствовал, как сквозь эту нежно-розовую пелену его кто-то поглаживает, а затем мягкий голос произнес:

— Малыш, послушай, неужели сегодня всё было слишком бурно, а затянута я была чуть дольше обычного, поэтому тебе некомфортно? Папа тебя погладит, но малыш ведь всё понимает: если

не делать так, то Глава секты не сможет насладиться этим как следует. Ты, наверное, еще не знаешь, но ты так хорошо развиваешься, животик у папы уже сильно вырос. Если носить ребенка и оставаться с большим животом, Глава секты не получит полного удовольствия.

— Неужели папа такой плохой? Без всякой причины стянул то место, где ты изначально был таким крошечным, тебе наверняка неудобно. Но малыш такой сильный, папе почти не приходилось за тебя переживать.

Глава секты сразу узнал голос Гу Шу. Сердце его дрогнуло: неужели всё было стянуто лишь потому, что иначе тот не смог бы насладиться в полной мере?

То ли его тронули нежные слова Гу Шу, то ли притянула эта теплая и влажная обитель — стоило ему легонько толкнуть ножкой, как он тут же ощущал ласку. Когда он немного устал, в его голове вдруг пронеслось: почему он оказался внутри живота Гу Шу?

Затем он почувствовал, как теплое пространство сжалось, и с легким дискомфортом попытался вырваться, но в конце концов был вынужден оставаться в этом тесном и неудобном мире.

После этого он снова услышал слабый голос:

— Малыш, не бойся, не бойся, завтра папа развяжет ленты, чтобы ты немного передохнул.

Гу Шу, как ты посмел?!

Какая наглость!

Глава секты очнулся ото сна — властный и непревзойденный, он бросил сложный взгляд на всё еще спавшего Гу Шу.

Гу Шу свернулся калачиком на краю кровати, его лицо покрывал холодный пот, губы побелели, а в уголках рта виднелись следы трещин.

В конце концов, поддавшись некоторому беспокойству, он откинул одеяло и посмотрел, как Гу Шу даже во сне бессознательно продолжает гладить свой живот.

Нахмурившись, он невольно вспомнил сон, сошел с большой кровати, набросил на плечи плащ, небрежно брошенный на постель, и уверенным шагом вышел за дверь. Обратившись к дежурившему стражнику, он приказал:

— Немедленно позовите лекаря. Быстро!

Вернувшись в комнату, он похлопал Гу Шу по щекам и, обнаружив, что тот пышет жаром, на мгновение встревожился и позвал его по имени.

— Глава секты... м-м...

Гу Шу проснулся, боль в животе стала слишком явной. Он снова опустил руку на живот, закусил губу и тяжело сдвинул брови.

Приподнявшись, он сунул руку пониже, и там оказалось сыро. Слезы невольно брызнули из глаз — боясь вызвать немилость Главы секты, он совершенно не мог их сдержать. Сдавленным голосом он обратился к Главе секты, словно тот был его единственной соломинкой.

— Мне так больно, Глава секты, спасите его, спасите его, спасите его! Что же делать...

Его руку перехватила ладонь Главы секты, от которой исходил слабый запах крови.

Красные пятна пачкали руки, и на лице Главы секты отразилось легкое беспокойство.

— За лекарем уже послали, я спасу его. Не плачь, слишком сильные перепады настроения вредны для ребенка.

Услышав это, Гу Шу не смел больше говорить, смертельно боясь выплакать ребенка.

Его заплаканный вид был до того жалким, что Глава секты положил руку на живот Гу Шу. Тело Гу Шу сначала напряглось, но затем обмякло, позволяя гладить себя. Ребенок толкался слишком сильно, и боль была невыносимой.

Стоило лишь подумать об этом, как на душе у Гу Шу становилось тяжело: малышу, должно быть, было невыносимо больно, раз он так сильно толкался.

Лекарь прибыл очень быстро. Услышав звук открывающейся двери, ослепший от слёз Гу Шу тут же просиял.

Лекарь не стал медлить и сразу велел Гу Шу лечь. Прощупав пульс, он произнес:

— Слава богу, движение плода еще не слишком серьезное, не переживайте, ребенка удастся сохранить. Следующие два дня лучше провести в постели.

Эти слова позволили Гу Шу сбросить тяжелый камень с души: главное, чтобы с ребенком всё было в порядке.

Только тогда Гу Шу слабо улыбнулся и произнес:

— Спасибо вам, лекарь, простите за беспокойство.

Лекарь взглянул на молча стоявшего в стороне Главу секты. Выражение лица Главы секты было суровым, в нем не осталось и следа вчерашней ярости, когда он только узнал о беременности Гу Шу, напротив, чудилось даже некое волнение.

— Вы сильно сожгли в лихорадке. Я составлю сбор, прикажите попозже сварить лекарство для сохранения плода и жаропонижающее. Жар делится на две категории: внешнее и внутреннее повреждение. Жар от внешних факторов вызван воздействием шести патогенных влияний и чумной ци; жар от внутренних повреждений чаще всего происходит из-за погрешностей в еде, переутомления или смены семи чувств, что приводит к дисбалансу Инь и Ян, а также к истощению Ци и крови.

— У вас присутствует и то, и другое. С появлением ребенка будьте во всем осторожны: близость допустима, но не простужайтесь и поменьше думайте о всяком — это вредно для малыша. Побольше спите, укройтесь потеплее, пропотеете — и вам быстро станет лучше.

— Спасибо, лекарь.

<http://bllate.org/book/22156/2307892>